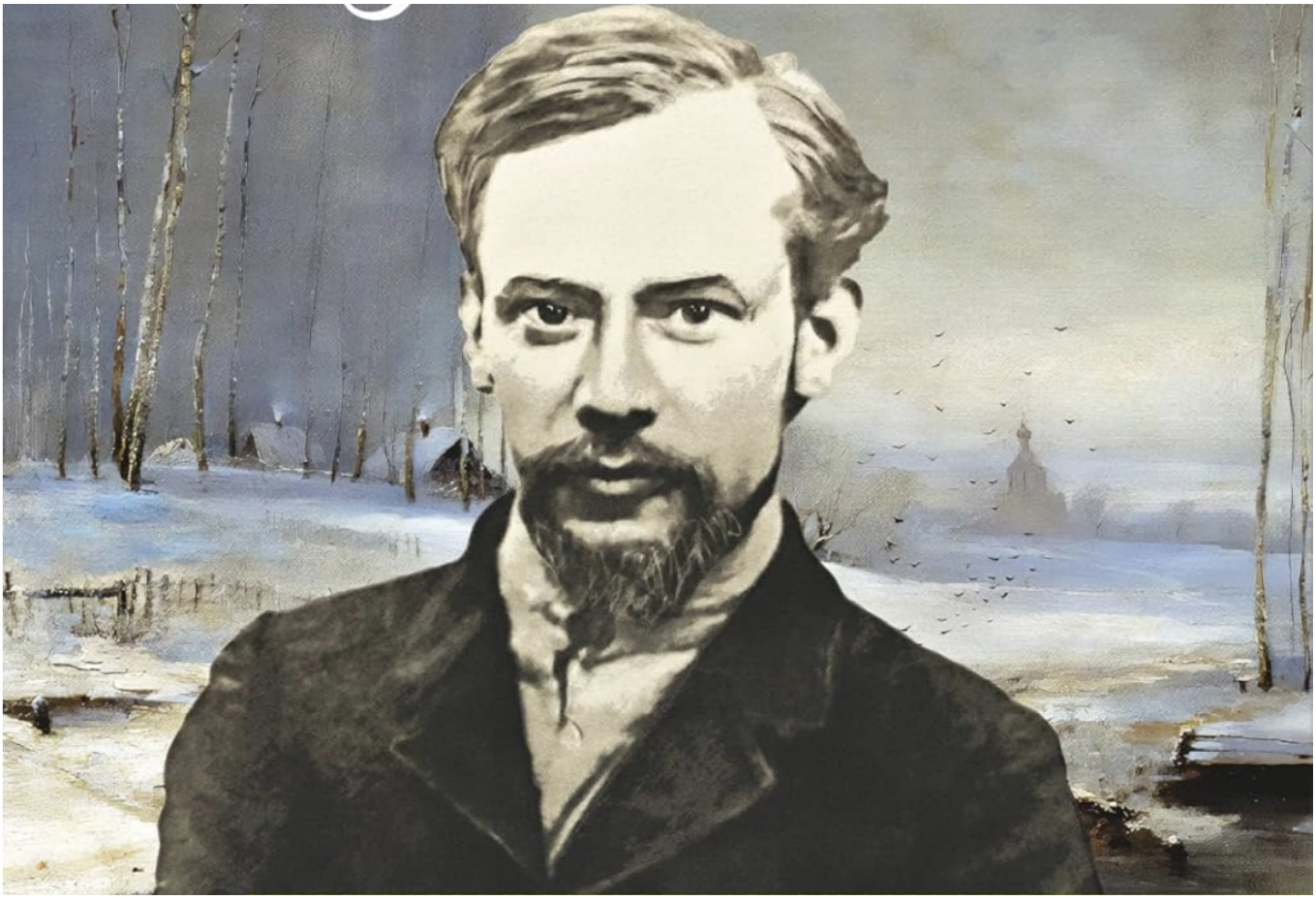
Опубликовано на Швейцария: новости на русском языке (https://nashagazeta.ch)

Достоевский, великий и…?

10.11.2023.

(DR)

Сегодня, накануне дня рождения знаменитого русского писателя, мы хотим рассказать вам о книге, в которой он предстает в несколько неожиданном ракурсе.

Федор Михайлович Достоевский (1821-1881) – один из самых прославленных российских писателей, общепризнанный гений, которого либо обожают, либо ненавидят, но равнодушным он не оставляет никого. Два года назад, по случаю двухсотлетия со дна рождения Достоевского, мы поделились с вами рассуждениями о нем турецкого писателя Зюльфю Ливанели и французского слависта Жоржа Нива, а вообще за годы существования Нашей Газеты со всеми подробностями рассказывали о связях Федора Михайловича со Швейцарией, которую он не жаловал. И вот – новый повод поговорить о нем.

Все мы, дорогие читатели, изучали в школе и/или в институте биографию Достоевского и четко помним, что за участие в 1847–1849 годах в кружке М.

В. Петрашевского, являвшегося сторонником взглядов революционного характера, писатель был осужден на смертную казнь. Во время обыска полицейские нашли у него запрещенную литературу, после чего Военный суд признал Ф. М. Достоевского виновным в «умысле на ниспровержение существующих отечественных законов и государственного порядка». 22 декабря 1849 года на Семёновском плацу ему и другим петрашевцам объявили приговор о смертной казни путём расстрела, но в последний момент осуждённых помиловали, назначив наказание в виде каторжных работ. Испытанное им чувство «воскрешения из мертвых» произвело неизгладимое впечатление на писателя, оставив след на всем его дальнейшем творчестве.

23 января 1850 г. Федор Михайлович вместе с осужденным членом кружка петрашевцев Сергеем Федоровичем Дуровым прибыл в тюремной повозке в Омский каторжный острог, где провел четыре года и который подробно описал в повести «Записки из Мертвого дома». Выйдя из острога и проведя еще месяц в Омске, 2 марта 1854 года он был зачислен рядовым в 1-ю роту Сибирского 7-го линейного батальона в Семипалатинске, с описания которого и начинаются «Записки из Мертвого дома»; здесь же разворачиваются события повести «Дядюшкин сон». Начался следующий период жизни писателя — ссылка и солдатская служба. И вот тут-то судьба свела его с бароном Александром Егоровичем фон Врангелем, в том же году прибывшим из Петербурга в Семипалатинск в качестве нового окружного прокурора и восхищавшимся Достоевским как автором романа «Бедные люди».

«Они сошлись – ссыльный солдат и окружной прокурор», так и хочется перефразировать Пушкина. Невероятно, но факт. Впрочем, так ли невероятно, ведь, несмотря на временную разницу в социальном положении, они были людьми одного круга. Образованный молодой Врангель гордился дружбой с опальным писателем, во всем оказывал ему поддержку и помощь и ввел его в лучшее общество города, который сам описывал так: «Семипалатинск в то время был ни город, ни деревня, а нечто среднее. Одноэтажные, бревенчатые, приземистые домишки, бесконечные заборы, на улице ни одного фонаря, ни сторожей, ни одной живой души, и если бы не отчаянный лай собак, город показался бы вымершим...»

А вот как отзывался Достоевский о Врангеле в своих записках: «Александр Егорович... человек очень молодой, с прекрасными качествами души и сердца, приехавший в Сибирь прямо из лицея с великодушной мечтой узнать край, быть полезным и т. д. Он служил в Семипалатинске; мы с ним сошлись, и я полюбил его очень...»

«Сошлись» новые друзья настолько, что в течение двух лет, которые Врангель прожил в Семипалатинске, они общались почти ежедневно. Известно, что в Семипалатинске Достоевский поменял четыре адреса, включая казарму, где он жил с солдатами. Один из этих адресов – дача «Казаков сад», которую снимал Врангель и где Федор Михайлович провел весну-лето 1855 года.

Обложка книги - фотомонтаж из портрета молодого Достоевского © Bridgeman Images и картины Алексея Саврасова "Распутица", 1894 г.

Именно так, «Казаков сад» («De Kozakkentuin») называется в оригинале книга нидерландского писателя Яна Броккена, переизданная в 2023 году на французском издательством Vuibert под названием «Dostoïevski : Une amitié en Sibérie» («Достоевский: дружба в Сибири»), показавшимся, видимо, более привлекательным.

Признаваясь в предисловии в своей нелюбви к «романтизированным жизням» и в предпочтении им «художественной документалистики», автор указывает, что в данном случае совместил роман с мемуарами. В основу повествования легла переписка между Достоевским и Врагелем, ереданная Яну Броккену праправнучкой «семипалатинского прокурора» вместе с его "Воспоминаниями", опубликованными в 1912 году в Санкт-Петербурге. Из примерно шестидесяти писем сохранилось сорок, и они позволяют увидеть Достоевского в новом, не хрестоматийном свете.

Ознакомившись с ними и с другими документами, относящимися к тому периоду, Ян Броккен принял решение написать книгу об этой необычной дружбе, причем от первого лица, от лица Александра фон Врангеля, не обладавшего литературным даром и ставшего на время работы его «вторым я». Что и сделал, сохранив историческую достоверность, а вместе с ней и нелицеприятный для Достоевского конец, о котором сам Броккен сожалел – человек, не возвращающий другу долг, мало симпатичен, а ведь каждому автору хочется, чтобы его герой нравился.

В книге Яна Броккена большое место занимает любовная линия – убежденность Достоевского в том, что из-за эпилепсии он не имеет права на счастье и при этом многолетняя влюбленность в Марию Дмитриевну Исаеву, завершившаяся женитьбой с почти немедленным взаимным разочарованием супругов. Зная любовь Достоевского к копанию в собственной душе и в душах его персонажей, зная его проницательность, нельзя не удивиться тому, как он был очарован Марией Дмитриевной, дамой весьма посредственной во всех отношениях, да и не безупречной по своим душевным качествам. Неужели любовь сводит с ума даже такого человека, как Достоевский?

- Сводит с ума или делает справедливым? – ответил нам вопросом на вопрос Ян Броккен. – Самое важное и самое трогательное, что я открыл для себя, описывая сибирские годы Федора Михайловича Достоевского, это то, что он был очень современным человеком. Конечно, в Сибири было много женщин, в которых он мог бы влюбиться, но он выбрал Марию, посещавшую лицей, что было явлением исключительным для женщины в первой половине 19 века; свободно владевшую французским и писавшую стихи… У Федора была огромная интеллектуальная жажда, в силу этого он подружился также с Александром Врангелем, прокурором… Я очень люблю этого молодого ФМД, как любит его и Александр. И мы оба разочарованы более взрослым Достоевским, хотя и прощаем ему многое из-за всех немыслимых тягот, которые он перенес в своей жизни.

Книга Яна Броккена интересна не только фактами из жизни Достоевского, но и параллелями между Россией второй половины 19 века и Россией сегодняшней, которые она невольно вызывает у читателя: от стремления Николая I любой ценой убить в зародыше любую форму инакомыслия до присуждения страшного приговора писателю исключительно за его мнения. Неприятие Достоевским зла, насилия и даже военной службы как таковой хорошо известно и не нуждается в доказательствах. Однако интерес к насилию, проснувшийся в нем после зверского убийства отца, и попытки если не оправдать его, то объяснить, были у него всегда.

Как не думать о дне сегодняшнем, читая размышления о бессилии рядового гражданина перед системой, о полной зависимости от милости царя, о коррупции, о кошмарном состоянии тюрем, почтовой службы, дорог, об идиотских предписаниях… Как не сравнивать челобитную поэму, переданную Достоевским царю с письмом Михаила Булгакова Сталину, с сочинениями «к годовщинам революции»

Шостаковича? Всем авторам во все времена хочется только одного – иметь возможность творить, писать и быть опубликованными, за что некоторые обыватели, сами записавшие себя в судьи, позволяли себе их осуждать. Также во все времена. «Много лет спустя, когда поэма была опубликована, критики неистово ругали униженность ее тона – шесть раз «простите меня» в шести первых строфах – и явную патриотическую направленность. Манера, в которой он вымаливал прощение у высшей власти, граничила с раболепием. Почему он так стремился выглядеть белым и пушистым перед царем?», пишет Ян Броккен от лица Александра фон Врангеля. И дает ответ на этот вопрос, который актуально, ох, как страшно актуально звучит сегодня: «Подобная критика лишена всякого смысла. Достоевский всегда был убежденным патриотом в самом широком смысле этого слова. Мне кажется преувеличением предполагать, что в Сибири его характер и его убеждения изменились. Никогда он не проклинал Россию, он не превратился из анархиста в монархиста, из прогрессиста в реакционера. До Сибири, как и многие его соотечественники, он отвергал крепостное право и многие другие проявления несправедливости. Русский человек всегда находится в оппозиции к России, это в его природе. Но лишенный своей дорогой родины, он гибнет.»

Судьба Достоевского в литературе и в обществе особая. Почему его запрещали при царе, понятно из выше сказанного – подозревали в подрывной деятельности. Почему фактически запрещали в СССР, тоже понятно: Достоевский разрушает идею «сверхчеловека», на которой держался советский социальный эксперимент, особенно если этот человек – рабоче-крестьянского происхождения. Но интересно, что Владимир Набоков, издеваясь над тяжеловесным стилем Достоевского, считая его одновременно уродливым и «судорожно светлым», а его душевные томления «пророческим бредом», тем не менее посвящает ему одну из своих знаменитых лекций о русской литературе, для которых он отбирал лишь самых почитаемых им писателей. Интересно и то, что именно о Достоевском беседовали осенью 1989 года два Нобелевских лауреата по литературе – Чеслав Милош и Иосиф Бродский – в уникальном видео. Цитируя Льва Шестова, Бродский говорит: «Суть в том, что Достоевский следовал классическим традициям, придерживаясь принципов справедливого суда. Иными словами, перед тем как высказаться в пользу добра, он предоставлял злу, как его оппоненту, возможность исчерпать все свои аргументы». На что Милош отвечает: «Я, конечно, знаю это и понимаю всю диалектичность Достоевского; но все же, когда я начал им заниматься, я был поражен его способностью лгать себе самому».

Вот и в прошлом году, после начала войны в Украине, первым русским автором, подвергшимся «запрету» в некоторых университетах, стал Достоевский. Почему? С таким вопросом мы также обратились к Яну Броккену.

- Потому что Достоевского постоянно цитирует неверно или не полностью. Однажды он написал, что русские превосходят другие народы. Но фраза на этом не заканчивается. После запятой следует: «потому что они способны страдать больше, чем другие народы». В способности отдельных людей выдержать больше ударов и ран – трагическая судьба русского народа. Достоевский сам пример такой способности к страданию. Перед тем, как стать тем великим писателем, каким мы его знаем, он провел десять лет в Сибири на каторжных работах. Приговоренный в возрасте 27 лет, он смог вернуться в Санкт-Петербург и начать карьеру писателя лишь в 37. Многие писатели в западной Европе давно потеряли бы надежду! Включая меня.

То есть запрещать Достоевского глупо?

- Это была глупая мера со стороны Миланского университета. Что бы ни было, никогда не надо запрещать писателя, иначе в вашей стране не будет свободы. Если вы ненавидите русских, то вам как раз и следует читатель автора, сосланного в ссылку при царе и вызывавшего подозрения у Советской власти. Творчество Достоевского – как библия, каждый может найти в нем свое счастье. «Братья Карамазовы» - книга, полная религиозных размышлений и одновременно атеистических идей. В произведениях Достоевского присутствуют нигилизм, национализм, консерватизм, анархизм, терроризм, социализм. Потому что он пишет от имени своих персонажей. Набоков находил, что пишет плохо. Нет, он заставляет бюрократа говорить сухо, а студента – с блеском. Его лингвистические способности огромны, поскольку он может сродниться с любым персонажем.

Федор Достоевский

Source URL: *http://www.rusaccent.ch/blogpost/dostoievski-le-grand-mais-encore*